

ДЕПАРТАМЕНТ РЕГИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ
И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
КОРРУПЦИИ
ГОРОДА МОСКВЫ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
ИМ. А. С. ПУШКИНА

Фундаментальная лингвистика и проблемы судебной экспертизы: социальные сети как объект научного и экспертного анализа

Сборник научных работ по итогам
Международной научной конференции
«Фундаментальная лингвистика и проблемы
судебной экспертизы: социальные сети
как объект научного и экспертного анализа»
(Москва, 5–6 октября 2021 г.)

Москва
2022

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. А. С. ПУШКИНА

**Фундаментальная
лингвистика и проблемы
судебной экспертизы:
социальные сети как объект
научного и экспертного
анализа**

Сборник научных работ по итогам
Международной научной конференции
**«Фундаментальная лингвистика и проблемы
судебной экспертизы: социальные сети как
объект научного и экспертного анализа»**
(Москва, 5–6 октября 2021 г.)

Москва
2022

УДК 81
ББК 81
Ф 94

*Рекомендовано к изданию Редакционно-издательским советом
Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина.
Протокол № 6 от 23 апреля 2021 года.*

Редакционная коллегия:

П. А. Катъшев, доктор филологических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

И. В. Огорелков, кандидат филологических наук, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

А. В. Горбачева, научный сотрудник лаборатории когнитивных и лингвистических исследований, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

Рецензенты:

А. Н. Баранов, доктор филологических наук, профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН;

М. А. Осадчий, доктор филологических наук, вице-президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ)

Ф 94 **Фундаментальная лингвистика и проблемы судебной экспертизы: социальные сети как объект научного и экспертного анализа: сборник научных работ по итогам Международной научной конференции «Фундаментальная лингвистика и проблемы судебной экспертизы: социальные сети как объект научного и экспертного анализа» (Москва, 5–6 октября 2021 г.) [Электронный ресурс]. – Москва : Государственный институт русского языка, 2022. – 445 с.**

ISBN 978-5-98269-260-3

Статьи посвящены исследованию актуальных вопросов лингвистической теории и экспертной практики в отношении вербальных правонарушений, совершаемых в цифровой среде. Представлены работы об исследовании вопросов лингвистической семантики и дискурс-анализа социальных сетей в приложении к задачам лингвистической экспертизы, разработки и применения методов лингвистической диагностики и идентификации цифровой личности, достижений, а также внедрения компьютерной, когнитивной лингвистики и психолингвистики в судебно-экспертную практику.

УДК 81
ББК 81

ISBN 978-5-98269-260-3

© Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2022

ИСТОРИЯ КРИМИНАЛЬНЫХ ТАТУИРОВОК В РОССИИ КАК ВАЖНАЯ СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ЗНАНИЯ ДЛЯ ЛИНГВИСТОВ-ЭКСПЕРТОВ

Аннотация. В статье рассматриваются история русской криминальной татуировки, ее криптолалическое значение для непосвященных и необходимость знания для правоохранителей. Особое место она занимает при проведении судебной лингвистической экспертизы.

Ключевые слова: татуировка, вор в законе, опознавательная функция, автороведческая экспертиза, проблема.

Общемировая практика изучения уголовных тату свидетельствует, что из трех видов татуировок: изображений (рисунков), высказываний и аббревиатур наиболее древними следует считать изображения, затем слова (выражения-афоризмы) и в последнюю очередь – аббревиатуры. В России же появление криминальных татуировок следует считать несколько иначе: известно, что они ранее обозначали собственные имена владельцев тату, любимых женщин, дату рождения, а потом уже и примитивные картинки, например, в виде целующихся голубков.

Одним из первых, кто зафиксировал появление татуировок у преступников в России, был киевский криминальный журналист Г. Н. Брейтман. «Человеческие силы, к которым теряется уважение, – писал он в 1901 г., – тратятся на пустяки, не стоящие стольких трудов, стараний и времени. Целые картины можно увидеть на груди и спине арестанта: корабли, флаги, огромные якоря, гербы, имена, фамилии, пословицы молитвы и т. д.». К сожалению, журналист не дает характеристику татуировок.

Казалось, должно быть хотя бы упоминание о татуировках в рукописи П. П. Ильина «Исследование жаргона преступников» (1912 г.). Однако блестящее описание преступного мира автором рукописи не содержало даже упоминаний о татуировках, тогда как многие элементы субкультуры криминального мира описаны достаточно подробно: арг, пословицы и поговорки, правила профессиональных преступников, уголовные песни и проч. Тогда как

данный исследователь, отбывающий наказание в Иркутской Александровской каторжной тюрьме и хорошо знавший быт, описавший в своем исследовании основной уголовный мир Сибири, не мог пройти мимо такого важного атрибута тюремной субкультуры как татуировка [4]. В этом случае, как и в предыдущем исследовании Г. Брейтмана, мы видим доказательство отсутствия татуировок в преступном мире или их бессистемность в начале XX в.

До сих пор татуировки криминальных элементов оставались вне поля зрения лингвистов. Имеются лишь немногочисленные высказывания о важности и актуальности их исследования. Они были объектом изучения криминалистов, литераторов, психологов, хотя и у них изучение шло, в основном, на описательном уровне.

Казалось бы, татуировки, должны быть изучены еще Д. С. Лихачевым, но почему-то ученый не стал их разбирать в своей знаменитой статье «Черты первобытного примитивизма воровской речи» (1935 г.) [6]. А ведь материал напрашивался на исследование! Тату явно вписались бы по тематике в его статью «Черты первобытного примитивизма воровской речи», однако ученым о них сказано очень мало, хотя в статье исследователем перечислены (точно так же как и его предшественниками Г. Брейтманом и П. Ильиным) многие элементы субкультуры: арг, тайные языки, песни, клички. Он сам отбывал наказание в местах лишения свободы с 1928 до 1932 гг. на строительстве Беломорканала. Можно лишь предположить, что в то время воровские тату еще не сложились как система. Единственное, что им было сказано о другом виде субкультуре – кличке, – это ее обязательное нанесение в виде татуировки на теле [6: 84].

По ряду причин русское языкознание до сих пор не обращало внимание на татуировки: трудность в собирании материала, «закрытость» данной темы для исследования, отношение к ним как к «недостойному» предмету изучения и др.

В чем представляется интерес изучения татуировки для лингвиста? Некоторые языковеды считают, что «воровские татуировки представляют собой своеобразную графическую систему», которая называется «пиктографически-идеографической» [9: 84]. Татуировки – часть русского языка – должны быть изучены, иначе знание русского языка будет неполным без них. Их исследование может дать дополнительные сведения для изучения письма в целом. Восстановление истории татуировок поможет определить многие аспекты мировоззрения уголовников. Например, отношение криминального мира к религии. Известно, что религиозная тематика занимает одно из центральных мест среди татуировок.

Время появления русских криминальных татуировок следует разделить на пять этапов: I этап – клеймение: начальный этап – спорный во времени, конечный – 1863 г. – отмена Александром III государственного нанесения

242 | знаков-клейма на теле осужденного, II этап – появление примитивных татуировок (с начала XX в. до 20-х г. XX в., III этап – жесткая татуировочная иерархия (конец 20-х г. XX в. – 70-е г. XX в.), IV этап – распад криминальной системы татуировок в связи с постепенным исчезновением воровской идеи (конец 1970-х – 2000-х г.), V этап – смешение криминальных тату с гражданскими (с 70-х г. XX в. по настоящее время).

В полном объеме русская криминальная татуировка появилась в 30-х годах XX в., когда возникла элита уголовного криминалитета – воры в законе. Изначально признаком *вора в законе* были крест с распятым Иисусом Христом и с ангелом(ами), выколотыми на груди. Другая распространенная религиозная татуировка – количество куполов на храме – обозначало число судимостей в ИУ.

Ряд исследователей татуировок русских деклассированных элементов относит их появление к рубежу XVII–XVIII вв., хотя конкретных доказательств не представляет. Заслуживает внимания лишь одна ссылка на произведение А. С. Пушкина «Капитанская дочка», см. отрывок из его повести «Капитанская дочка»: «А в бане показывал (Пугачев – М.Г.) царские свои *знаки* на грудях: на одной двуглавый орел, величиной с пятак, а на другой персана его». Это может косвенно подтверждать, что россияне уже в XVIII в. имели понятие о татуировках, хотя сотрудниками правоохранительных органов того времени они не фиксировались и не исследовались. Что касается «царских знаков» Е. И. Пугачева, то они не являлись татуировками, а были дефектами кожи «народного вождя». Ничего не говорится о татуировках деклассированных элементов в художественных произведениях конца XVIII – нач. XIX вв. Во всяком случае, при описании знаменитого преступника Ваньки Каина (Ивана Осипова) и его шайки сведения о татуировках отсутствуют.

Нет упоминаний о татуировках в произведениях середины XIX в.: см. художественное произведение Ф. М. Достоевского «Записки из Мертвого Дома» (1861), научно-публицистическое исследование С. В. Максимова «Несчастные» (1872).

В русском (древнерусском) фольклоре мы не найдем упоминаний о татуировках: ни в сказках, ни в былинах, ни в сказаниях ни в песнях, ни в пословицах и поговорках. То есть это может быть показателем того, что на Руси татуировка (или понятие о ней) в древние времена отсутствовала.

Криминалисты отмечали тот факт, что профессиональные уголовники конца XIX-нач.XX вв. в большинстве своем избегали татуироваться, чтобы не создать лишнюю улику [8: 12]. И – парадокс – татуировки у русских преступников появились в то время, когда исчезло клеймение.

Чувства «браводы и хвастовства» (термин Д. С. Лихачева), которые были присущи всем профессиональным преступникам, перевесили их фактор конспирации. В 20-х и начале 30-х гг XX в. в революционных массах они

воспринимались социально близкими слоями общества для пролетариата. То есть официальная власть считала профессиональных уголовников лицами, которые поддаются перевоспитанию, в отличие от представителей антагонистических классов – дворян и буржуазии.

Изучение криминальных татуировок в России началось в середине 20-х годов XX в.

Русские татуировки деклассированных элементов прошли путь от пиктографического до идеографического письма [9: 58], т. е. до своеобразных высказываний и аббревиатур. Заметим, что объем материала, куда наносятся татуировки, ограничен, – человеческое тело. Известно, что изначально татуировки в России были присущи только деклассированным элементам и морякам [5: 146]. Хотя здесь требуется некоторое уточнение: именно моряки принесли моду на татуировки. У бойцов Красной Армии татуировки отсутствовали. Любопытно, что среди солдат итальянской армии в XIX в. было 45% татуированных, – на этот факт указывает Ч. Ломброзо, – тогда как среди преступников – всего лишь 7% [7: 68]. Следует отметить, что современные российские солдаты, воспринимая романтику профессиональных преступников, нередко наносят воровские татуировки, особенно это характерно для строительных войск (стройбата), где имеется много армейцев с уголовным прошлым. Из специфических солдатских татуировок можно отметить рисунки, изображающие парашют (знак принадлежности к воздушно-десантным войскам), группу крови, резус-фактор, из аббревиатур – ЗГВ – «Западная группа войск» (до 1991 г.) и др.

Криминалисты вначале использовали знание о татуировках, в основном, для идентификации и опознания. В первые же годы Советской власти была даже введена обязательная регистрация татуировок криминогенного контингента [8: 24].

В начале XX века татуировки получили распространение на острове Сахалин – месте ссылки различных уголовников-рецидивистов. Вероятно, под сильным воздействием местных народов: японцев, алеутов, коряков и проч.; они начали наносить на тело свои специфические изображения, связанные с уголовными законами и исправительными учреждениями.

Тюремный рисунок содержал скрытый смысл и указывал на конкретную преступную «специализацию» его хозяина. Это помогало ему быстрее устанавливать контакты с уголовником своей «масти». Формирование натальной символики в криминальной России длилось почти полвека, и к 50-м годам XX века преступный мир уже имел свою систему татуажа. Тогда же «узаконилось» право на ношение конкретной татуировки согласно неофициальному статусу в пенитенциарной системе. Татуировки могли расшифровывать так называемые *блатари*, жившие по *воровским законам*. Кожа тела уголовника превратилась в его личное дело, доступное далеко не каждому. Неспособность

244 | доказать достоверность символики, правдивость нательной информации способствовала наказанию ее носителя. За «имитацию» лагерного *авторитета* следовала смерть. Профессиональные преступники защищали свои рисунки от подделок, придумывая новые символы, неприметные, но обязательные детали татуировок. При всем том лагерная «живопись» не была явлением устоявшимся и прекратившим свое развитие.

Как считает юрист А. И. Гуров, «татуировки не играют той коммуникативной роли, которая отводилась им до начала 70-х годов» [3: 67]. Это утверждение нуждается в расшифровке. Действительно, татуировки-изображения с 30-х по 70-е годы XX в. были достаточно устойчивыми (позднее их семантика начинает размываться). Это было связано, прежде всего, с сильными позициями элиты преступного мира – *воров в законе*, когда за татуировку, не соответствующую действительности, ее обладатель мог поплатиться даже жизнью. В 70-е годы, когда начинается размывание «воровской идеи», ряд татуировок теряет свой первоначальный смысл, особенно это касается татуировок-рисунков.

В современных татуировках по их соответствию действительности можно выделить ряд устойчивых групп:

1. Татуировки, свидетельствующие об отбывании наказания в ИУ: например, *четыре точки, напоминающие квадрат, внутри них еще одна точка; колючая проволока*.
2. Татуировки наркоманов: паук в паутине – «наркоман», изображение джина, курящего гальян – «курильщик гашиша».
3. Татуировки, которые наносятся насильно: *синяк под глазом, точки около губ, корона вора в законе, выколота на спине*, – все они обозначают *опущенных* – низшую касту криминального мира.
4. Татуировки-аббревиатуры: ТОН – «тайное общество наркоманов», ТОНЯ – «тайное общество наркоманов; я – его член» [2: 93].
5. Татуировки-высказывания, см. примеры: «*Уйду бродягою и воров*», «*Сила выше права*».

Как утверждал криминалист Л. Мильяненко, в 90-е годы XX в. особое внимание правоохранители обращали на лиц, имеющих следующие татуированные изображения: *черепа, корона* – символы стремящихся к власти в криминальном мире; *тигр* или *другой хищник* – ярость, непримиримость; *кинжал, нож, меч, топор* – месть, угроза, твердость, жестокость; *ключ* – сохранение тайны; *палач* – чти закон воров; именно носители этих рисунков были наиболее агрессивны и способны на кровавый поступок [8: 64].

В ранних татуировках отсутствуют политические мотивы (*воры в законе* не должны были иметь никаких контактов с официальной властью: не выступать свидетелем на суде, не выполнять общественной работы, служить в армии и проч.). При размывании же «воровской идеи» в 70-х годах XX в.

в криминальных татуировках появляются политические мотивы. Особенно много политических татуировок возникло в конце 80-нач. 90-х гг. XX в. Чаще всего это рисунки с изображением К. Маркса, В. И. Ленина, Ф. Э. Дзержинского, И. В. Сталина, Л. И. Брежнева в виде чертей или вампиров; татуировки, изображающие географическую карту СССР, опоясанную по границе колючей проволокой или черепа на ней. Примеры из политических высказываний-татуировок (чаще всего наносились на ногах): *КПСС приведет всех в могилу; они тащат меня под конвоем в рабство – ГУЛАГ МВД СССР; они устали от долгого пути в светлое будущее – коммунизм; ВКП(б) – всероссийское крепостное право большевиков*. Несомненно, такие татуировки стали возможны лишь во время «перестройки» и «гласности» (80-е годы XX в.). Именно тогда профессиональные уголовники, почувствовав себя «борцами» против существующего режима, стали наносить себе подобные рисунки и высказывания.

Различия в оттенках арестантского мировоззрения можно обнаружить при изучении татуировок на плечах их обитателей. Некоторые уголовники, подчеркивая свою приверженность к идее монархии, наносят на эпюлеты изображения двуглавого орла или вензеля последнего российского императора. Впрочем, после того как двуглавый орел снова стал государственным гербом России, популярность подобных татуировок резко сократилась. Заметим, что их даже стали удалять авторитетные преступники.

Уголовники наносят татуировки в зависимости от их назначения на различные участки тела. Например, те татуировки, которые наносятся насильно, располагаются на ягодицах, спине, лице и пальцах (например, татуировка под названием «*подлое кольцо*»). Их владельцами обычно являются осужденные, принадлежащие к низшим кастам. На видных местах накалывают татуировки наркоманы, чтобы опознать себе подобных, а также *воры в законе*. В арсенале преступного мира есть татуировки, которые наносились под мышкой, – например, изображение свастики со значением «ненавижу Советскую власть» (была популярной в 70-х гг. XX в.).

В 70–80-е годы XX в. большое распространение среди осужденных получили татуировки-высказывания.

Аббревиатуры-татуировки – эта «письменная» разновидность аргоса – получили свое широкое распространение в 60–90-х годах XX в. Преимущественно их наносят на тело мужчины, хотя имеются и женские тату. Если для части мужских аббревиатур-татуировок характерна агрессия, то в женских она почти отсутствует. Женские татуировки обозначают, в основном, любовь, причем как к мужчине, так и к женщине (лесбийскую), см. звуковые примеры аббревиатур: *ЛИМОН* – «любить и мучиться одной надоело», *ТОМСК* – «ты один моего сердца коснулся».

246 | В настоящее время наблюдается переход криминальных татуировок в законопослушную часть общества.

Литература

1. Брейтман Г. Н. Преступный мир: очерки из быта проф. преступников / Г. Н. Брейтман. Киев : Нип. Губ. правл., 1901. 302 с.
2. Грачев М. А. Жаргон и татуировки наркоманов: Краткий словарь-справочник. Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 1996.
3. Гуров А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М., 1990.
4. Ильин П. П. Исследование жаргона преступников». Иркутск, Александровская тюрьма, 1912.
5. Кучинский А. В. Преступники и преступления. Законы преступного мира. Паханы, авторитеты, воры в законе: Энциклопедия. Донецк: Сталкер, 1997.
6. Лихачев Д. С. Черты первобытного примитивизма воровской речи: Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы) / Авторы-составители Д. С. Балдаев, В. Н. Белко, И. М. Юсупов. М.: Края Москвы, 1992. С. 47–94.
7. Ломброзо Ч. Преступный человек: [пер. с ит.]. М.: Эксмо ; МИДГАРД, 2005.
8. Мильяненко Л. А. «По ту сторону закона». С-Пб: «Дамы – господа», 1992.
9. Шарандина Н. Н. Арготическая лексика в функциональном аспекте. Дис. ... канд. филол. наук Тамбов, 2003.

Mikhail A. Grachev

THE HISTORY OF CRIMINAL TATTOOS IN RUSSIA AS IMPORTANT KNOWLEDGE FOR FORENSIC LINGUISTS

Abstract. The article examines the history of the Russian criminal tattoo, its cryptolalic significance for the uninitiated and the need for knowledge for law enforcement. It occupies a special place when conducting forensic linguistic expertise.

Keywords: tattoo, thief in law, identification function, auto-expert examination, problem.